

прорабатываемых правотворческих решений (законодательных и иных правотворческих (нормотворческих) инициатив). При этом только последовательное применение средств повышения степени эффективности в проектировании законодательных и иных нормативных актов представляют собой необходимое условие для принятия (издания) процедурных нормативных актов. В то же время следует разработать соответствующую методику реализации средств повышения степени эффективности, включив в нее практические подходы проектирования нормативных актов для получения лучшего правотворческого результата.

3. Инновационные решения, такие как технологии искусственного интеллекта, частично прошли апробирование и в перспективе позволяют проводить правовую экспертизу на принципиально новом уровне, уменьшая объем текущей загруженности соответствующих структурных подразделений федерального органа исполнительной власти. При этом инновационные решения, применимые в ведомственном правотворчестве, в сочетании с нарабатанной десятилетиями практикой нормативно-правового проектирования разнообразного нормативного массива направлены, прежде всего, как на оптимизацию правотворческих процедур, так и на минимизацию допускаемых правотворческих ошибок на различных стадиях правотворческого цикла. В целом инновации в сочетании с иными средствами повышения степени эффективности проектирования нормативных актов позволяют решить многие проблемные вопросы в текущей ведомственной правотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти (например, проработка вопроса в отсутствии единой понятийно-терминологической системы в отдельных законодательных актах).

Итоговый вывод состоит в том, что на систематической основе проводимые исследования в части повышения степени эффективности нормативно-правового проектирования законодательных и иных нормативных актов как в рамках научных и аналитических центров, так и в рамках различных по статусу органов государственной власти непосредственным образом влияют на корректировку сформировавшихся десятилетиями практических подходов в стадийном ведомственном правотворчестве с учетом внедрения в него инновационных решений.

Плешаков Евгений Александрович,
старший преподаватель кафедры
судебной и прокурорской деятельности
Нижегородского исследовательского
государственного университета
имени Н. И. Лобачевского,
вице-президент Коллегии адвокатов города Москвы

К вопросу о приоритете в юридической науке

Приоритеты в любой науке имеют особое значение, а их установление представляет значительную трудность. Речь идет не только и даже не столько о приоритете в выдвижении тех или иных конкретных идей, концепций, проектов, гипотез. Проблема определения, формулирования и нормативного закрепления приоритетов в какой-либо науке многозначна, многогранна и обычно находится на стыке многих доктринальных дисциплин.

Приоритеты в естественно-технических и точных науках расставляются с учетом финансовых возможностей государства, прочности его суверенитета, наличия угроз и вызовов национальной безопасности. Они обычно формулируются предельно четко: с обоснованием затрат и ожидаемых результатов. И это понятно. Например, выбор приоритетов в сфере космической деятельности всегда требует значительных финансовых и иных материальных ресурсов и, естественно, предполагает серьезное научное обоснование.

Расстановка некоторых политико-юридических приоритетов составляет предмет сразу нескольких и не только гуманитарных наук. Например, США и другие страны НАТО, делая выбор относительно объемов и сроков выделения материальных средств Украине либо Израилю и Тайваню, вынуждены принимать во внимание данные, по крайней мере, таких наук, как: экономика, политология, социология, демография, психология, культурология, религиоведение и других научных дисциплин.

В юридической науке картина иная: выбор приоритета в какой-либо отрасли законодательства, конечно, не требует огромных финансовых трат, но это не значит, что установить такой приоритет легко.

Если в основе той или иной правовой реформы лежит наука, то и она ответственна за результаты реформирования и избранные приоритеты.

Обращение к отраслевой структуре российского законодательства показывает, что приоритетность здесь играет далеко не одинаковую роль. Приоритеты в конституционном праве России вряд ли по уровню абстракции, весомости можно и нужно сравнивать с приоритетами, допустим, наследственного или авторского права. Как верно заметил профессор Б. С. Эбзеев, касаясь событий, влияющих на изменение Конституции Российской Федерации: «Таковыми событиями в истории России конца XX века явились распад Союза ССР и поражение советского социализма, которые привели к глубоким изменениям социальной среды и потребовали радикального пересмотра оснований и **ценностных приоритетов** (выделено нами. — Е. П.) конституционного правопорядка России»¹.

Здесь необходимо подчеркнуть: чтобы в каждый момент правильно определять приоритеты той или иной юридической науки, следует предварительно решить методологическую проблему соотношения фундаментального и прикладного юридического знания².

Решение этой задачи – вопрос крайне сложный, не терпящий умозрительного подхода и спешки. Однако и заранее капитулировать перед проблемой, посыпать «голову пеплом» не стоит. Ряд авторитетных представителей отечественной теоретико-правовой науки, например, полагают, что их область знаний утрачивает значение фундаментальной, обобщающей юридической науки, а эту функцию выполняют сегодня в большей степени отраслевые науки³. Позволим себе не согласиться с таким категоричным утверждением.

Убеждены, что наука теория государства и права как наука по-прежнему является фундаментальной, системообразующей по отношению к отраслевым юридическим дисциплинам, обладает синтезирующим и обобщающим свойством. Выявление наиболее общих закономерностей развития права и государства, формирование понятийного и категориального аппарата юридической действительности — большая задача теоретико-правового знания, без решения которой ни одно отраслевое направление не сможет развиваться эффективно. Верно прогнозирует «развал отечественной юридической науки» В. В. Кожевников: «в случае принижения статуса общей теории государства и права»⁴.

Приведем пример, демонстрирующий синтез теории и практики в рамках исследований теоретико-правового характера. Так, сегодня редкая научная публикация, выполняемая по предмету различных отраслей российского права, обошла стороной такой феномен, как приоритет. Ученые в области публично-правовых наук и гражданско-правового профиля⁵, уголовно-правового направления, а также юристы-международники⁶ активно тиражируют лексему «приоритет». При этом делают это подчас не углубляясь в содержательное наполнение данного явления, употребляя термин походя, смешивая его как с созвучными организационно-управленческими инструментами опосредования какой-либо деятельности (целями, задачами, ориентирами, направлениями и пр.), так и близкими по регулятивной составляющей средствами (преимущественными правами, исключительными возможностями и др.).

Между тем приоритет в праве — фундаментальная категория, как обладающая мощным ориентирующим, стратегическим потенциалом в рамках проводимой государственной политики, так и выступающая в виде конкретного регулятивного средства. И в этой связи где, как не в лоне теоретико-правовой науки, сформировать комплексное, общеправовое понимание сущности и содержания юридического приоритета. Думается, вопрос риторический.

¹ Эбзеев Б. С. Конституция как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России) // Государство и право. 2023. № 12. С. 22.

² См.: Баранов В. М. Фундаментальное и прикладное знание в юридическом образовании: трансдисциплинарный поиск баланса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 128–131.

³ См.: Поляков А. В., Тимошин Е. В., Ромашов Р. А. Теория государства и права на рубеже веков // Правоведение. 2000. № 3. С. 240–246.

⁴ Кожевников В. В. Современная теория государства и права как методологическая юридическая наука // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18. № 1. С. 11.

⁵ См., например: Ахмедов А. Я. Обоснованность выделения приоритетного способа возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. 2023. № 5. С. 204–211.

⁶ См., например: Токарев А. А. Приоритеты сотрудничества португалоязычных стран Африки с азиатскими центрами силы // Проблемы национальной стратегии = *National strategy issues*. 2023. № 3 (78). С. 144–167.

По нашему мнению, *приоритет в праве* представляет собой средство дифференциации и иерархичного построения многообразия элементов правовой системы, на основе которых государство устанавливает различия относительно значимости ее элементов (норм права, правовых институтов, правовых отношений, правового сознания, правовых статусов и проч.), а затем выстраивает внутреннюю иерархию, опираясь на ценности общества и преследуемый интерес¹.

Универсальность феномена «приоритет» заключается в том, что он, с одной стороны, еще проходит становление как доктринальная и законодательная категория, а с другой — сам формирует и впоследствии закрепляет важнейшие ориентиры не только теоретико-правовой, но и всей юридической науки нашей современности. Принимая во внимание, что тематика межвузовского практического мотивационно-просветительского форума была посвящена роли современной юридической науки в жизни российского общества, предлагаем задуматься над приоритетами юридической науки на современном этапе развития общества и государства.

При выборе обозначенной тематики нас тревожили сомнения. Возможно, обозначенное ниже и не должно составлять предмет исследования, позиционируемого в рамках отдельной публикации (для этого необходимы комплексные, фундаментальные научные разработки), и все же попробуем очертить грани приоритетов современной юридической науки (в нашем субъективном представлении).

Первое. Формирование новой доктринальной концепции современного «мирового порядка». Данное словосочетание все чаще звучит с экранов телевизоров, становится предметом дискутирования политических лидеров. Это не случайно. Слом устоявшихся концепций международного права, демонстрируемый дисфункционал многих международных организаций (в том числе правозащитных), происходящий на фоне массовых нарушений прав человека, актуализируют поиск новых форм и моделей взаимодействия государств.

События, развернувшиеся в Донецке и Луганске начиная с 2014 года, отчетливо продемонстрировали склонность к неоднозначному толкованию фундаментальных норм международного права, как правило, за счет двойных стандартов. Лидеры коллективного Запада активно пытаются сформировать однополярный мир, используя в своих конъюнктурных интересах не только отдельные положения международных конвенций, но и искажая фундаментальные, столетиями формировавшиеся основополагающие принципы международного права.

В свете сказанного *стратегическим приоритетом отечественной юридической науки сегодня видится формирование нового биполярного мирового порядка*, о чем неоднократно говорил Президент Российской Федерации в своих выступлениях². И огромная ответственность в данном вопросе лежит на юристах: как ученых, так и практиках.

С одной стороны, нормативная основа для этого фундаментального направления предусмотрена. Так, Концепция внешней политики Российской Федерации в качестве одного из приоритетов определяет формирование самостоятельного и многовекторного внешнеполитического курса, который будет основываться на национальных интересах и осознании особой ответственности за поддержание мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях³. Однако с другой — это не снимает многих сложных вопросов, находящихся на стыке нормативного и ненормативного регулирования. Речь идет о необходимости учитывать духовную составляющую нашего общества, правовой менталитет и юридическое мышление, ценностные ориентации. Вышеуказанный документ акцентирует внимание на особом положении России в мире, то есть ее самобытности как государства-цивилизации.

Данный постулат позволяет сформировать приоритетное направление юридической науки, преследующее собой цель повышения суверенизации нашего государства во всех смыслах этого многогранного слова. Мы призываем к верной интерпретации феномена «суверенизация». Речь не идет об автономии и изоляции нашего Отечества, но должно подчеркиваться важное качество государства, способного противостоять вызовам, при этом не закрываться от сотрудничества с теми, кто открыт для него.

¹ Плешаков Е. А. К вопросу о сущности юридического приоритета // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 40.

² Выступление Владимира Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» // Стратегические приоритеты. 2014. № 4. С. 7–18.

³ См.: Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14, ст. 2406.

К примеру, в вопросах правового регулирования космического пространства сложилась реальная угроза использования различных средств вооружения. По словам Постоянного представителя Российской Федерации при ООН и в Совете безопасности ООН В. Небензя, «специалистам следует выработать юридический документ, который установит ограничения для милитаризации космоса»¹. И в этом вопросе Россию уже поддержали 7 государств из 15 членов Совета Безопасности ООН.

Второе. Создание баланса отечественных федеральных и региональных научных площадок и технологических систем. В частности, обновленная Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации² предусматривает не только синхронизацию данного процесса внутри государства, но и гармонизацию данного процесса, взвешенное распределение компетенций и полномочий. В рамках реализации такой непростой задачи была проработана экспериментальная нормативная правовая основа введения в 80 субъектах руководителей по линии науки и технологий (их статус более чем весомый — заместители глав регионов, что предопределяет широкие полномочия).

Однако этими организационно-управленческими мерами выполнение задачи всецело не решить. Нужна серьезная и кропотливая работа по правовому сопровождению данных мероприятий, поскольку в мае текущего года подготовленные регионами госпрограммы должны быть представлены на заседании Комиссии по научно-технологическому развитию³. По нашему глубокому убеждению, данные программы с правовой точки зрения должны быть обеспечены качественными статусными компонентами. Речь идет не только о закреплении соответствующих прав, юридических обязанностей участников стратегического развития науки и технологий, но и об установлении системы юридических гарантий и правовых преимуществ (льгот, дотаций, преференций, субсидий)⁴, необходимых для оказания мер поддержки в науке, высшем образовании, инновационном предпринимательстве и управлении сферой интеллектуальной собственности.

Третье. Вышеуказанная Стратегия научно-технологического развития предполагает осуществление комплекса мероприятий, направленных на *подготовку кадров и обеспечение трансфера технологий в приоритетных отраслях промышленности*. Без соответствующего участия юридического сообщества в данном компоненте не обойтись. Стоит признать, что проблематика формирования в нашем государстве профессионального ядра специалистов для решения задач развития науки и технологий – не нова⁵. Ее значение для научно-технологического развития России подчеркнул руководитель профильного комитета Государственной думы Российской Федерации С. В. Кабышев: «...ключевые проблемы, которые нужно решать, — это угроза изоляции от глобального научного сообщества и риск потери высококвалифицированных научных кадров. Нужно бороться за наших ученых, чтобы они служили интересам своей Родины»⁶.

Юридическая наука в рамках обозначенного направления не должна остаться в стороне. Напротив, создаваемые государством резервы повышения интеграции отечественных ученых в общемировые проекты, в особенности с дружественными государствами, должны составлять предмет юридического опосредования. О чем конкретнее идет речь, продемонстрируем на примере. Не так давно образован Международный центр синхротронных, нейтронных и лазерных исследований. Сегодня в центр вступили, кроме России: Белоруссия, Узбекистан, Таджикистан, Иран⁷. Следом рассматривается Казахстан и ряд иных государств, что позволит выйти на совершенно

¹ См.: Шабловский В. Небензя: Россия ответит на милитаризацию космоса Западом // Российская газета. 2024. 21 мая.

² См.: О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года № 145 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10, ст. 1373.

³ См.: Регионы России в мае представят госпрограмму научно-технологического развития // Российская газета. 2024. 2 мая.

⁴ См.: Репьев А. Г. Юридические гарантии эффективной научно-исследовательской деятельности в системе МВД России // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 73–83.

⁵ См.: Баранова М. В., Репьев А. Г., Репьева А. М. Правовой статус ученого в Российской Федерации: юридико-лингвистический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 20–27.

⁶ Сергей Кабышев высказался в поддержку кандидата в вице-премьеры Дмитрия Чернышенко // Справедливая Россия-Патриоты-За правду. URL: <https://spravedlivo.ru/14217210> (дата обращения: 17.05.2024).

⁷ См.: Мы начали двигаться в сторону создания природоподобных технологий. URL: <https://www.interfax.ru/russia/957497> (дата обращения: 17.05.2024).

иной, беспрецедентный уровень коллаборации научного знания. Однако для всего этого уникального синтеза фундаментальной и прикладной науки необходима отлаженная, непротиворечивая правовая составляющая.

Безусловно, сформулированные нами и представленные на обсуждение приоритеты юридической науки не претендуют на окончательный, концептуальный характер. Они носят, скорее, ракурс постановочных ориентиров нашего развития, зародившихся в рамках дискуссионной площадки 26 марта текущего года в стенах Нижегородской академии МВД России.

Подводя краткие итоги представленного материала, в первую очередь остановим внимание читателя на важном тезисе, высказанном профессором В. М. Барановым в рамках состоявшегося межвузовского практического мотивационно-просветительского форума: «Перед научным юридическим сообществом России стоит важнейшая задача — фундаментальный исследовательский и организационно-управленческий приоритет деятельности — предпринимать все исчерпывающие меры к популяризации юридической науки в нашем государстве и социуме».

По нашему убеждению, популяризировать науку, в том числе юридическую, значит сделать ее не только доступной для широко круга, но и востребованной. Для этого, как думается, необходимо обнаружить точки соприкосновения права и потребностей общества. Закономерности развития современной окружающей действительности и юриспруденции в России позволяют сформировать некоторые прогнозные ожидания. Не нужно быть прорицателем, чтобы четко понять, что юридическое знание, движимое нынешним и будущими поколениями, будет сосредоточено на правовом регулировании технологических процессов. Следовательно, лучшим механизмом популяризации юридического знания будет разрешение существующих проблем в области технологизации и информатизации правовыми методами. Для этого необходим комплексный подход, включающий знания специалистов как в области теоретико-правового профиля, так и из различных отраслей права. Только методом интердисциплинарности юриспруденции мы сможем сдержать давление нынешних глобальных вызовов.

Трегубов Игорь Сергеевич,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

Доктринальный анализ системы мер процессуального принуждения в науке административного права

Применение мер административно-процессуального принуждения — это сложный и ответственный процесс, поэтому очень важно соблюдать требования и условия законности при их реализации. Административно-процессуальное принуждение, являясь частью системы административного принуждения, сегодня уже имеет свою систему, которая частично определена в главе 27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ).

Система нормативного материала вообще и система мер принуждения в частности дают возможность более эффективно регулировать общественные отношения, а также выбирать оптимальную меру такого воздействия. Как отметил К. С. Бельский: «...под системой понимают определенный порядок расположения отдельных частей какого-нибудь явления. Понятие системы применяется там, где речь идет о совокупности элементов, образующих нечто целое, о раскрытии единого в его различных элементах»¹.

Система — это совокупность однопорядковых элементов, как минимум двух, которые так или иначе тяготеют к интеграции для создания нового качества. Система может повысить действие и эффективность своих элементов, такой подход в полной мере относится и к системе мер административно-процессуального принуждения, где каждый из элементов, имея определенную функциональную автономность, в то же время образует «монолит» соответствующего государственного принуждения. Система всегда обладает определенными качествами, именно это устойчивое в нашем случае правовое образование, которое ко всему прочему может способствовать формированию новых систем.

¹ Бельский К. С. О системе административного права // Государство и право. 1998. № 3. С. 5.